

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Сказка о Хасане басрийском

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 778-786](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 787-795](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 796-804](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 805-813](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 814-822](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 823-831](#)

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и столетия один купец среди купцов, пребывавший в земле Басры, и было у этого купца двое детей мужского пола, и обладал он большими деньгами. И определил Аллах всеслышащий и премудрый, чтобы представился этот купец к милости великого Аллаха и оставил свои богатства, и принялись сыновья обрывать его и похоронили. А после того они разделили деньги между собою поровну, и каждый из них взял свою долю, и они открыли себе две лавки один стал медником, а другой – ювелиром.

И ювелир, в один из дней, сидел у себя в лавке и вдруг видит – идет на рынке, среди людей, человек персиянин. И он прошел мимо лавки юноши-ювелира и взглянул на его изделия и осмотрел их с пониманием, и они ему понравились. А имя юноши-ювелира было Хасан. И персиянин покачал головой и сказал: "Клянусь Аллахом, ты хороший ювелир!" – и стал смотреть, как юноша работает. А тот стал смотреть в старую книгу, которая была у него в руке, и он всегда так поступал, когда люди любовались его красотой, прелестью, стройностью и соразмерностью.

А когда настало время послеполуденной молитвы, лавка очистилась от людей, персиянин обратился к Хасану и сказал ему: "О дитя мое, ты красивый юноша! Что это за книга? У тебя нет отца, а у меня нет сына, и я знаю ремесло, лучше которого нет на свете..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят девятая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин обратился к Хасану-ювелиру и сказал ему: "О дитя мое, ты красивый юноша, и у тебя нет отца, а у меня нет сына, и я знаю ремесло, лучше которого нет на свете. Много народу из людей просило меня научить их, но я не соглашался, а теперь моя душа согласна, чтобы я научил тебя этому ремеслу и сделал тебя моим сыном. И я поставлю между тобою и бедностью преграду, и ты отдохнешь от работы с молотком, углем и огнем". – "О господин мой, а когда ты меня научишь?" спросил Хасан. И персиянин ответил: "Завтра я к тебе приду и сделаю тебе из меди чистое золото, в твоём присутствии".

И Хасан обрадовался и простился с персиянином и пошел к своей матери. Он вошел и поздоровался и поел с нею и рассказал ей историю с персиянином, ошеломленный, потеряв ум и разумение. И мать его сказала: "Что с тобой, о дитя мое? Берегись слушать слова людей, особенно персиян, и не будь им ни в чем послушен. Это великие обманщики, которые знают искусство алхимии и устраивают с людьми шутки и берут их деньги и съедают их всякой ложью". – "О матушка, – ответил Хасан, – мы люди бедные, и нет у нас ничего, на что бы он позарился и устроил с нами шутку. Этот персиянин – старец праведный, и на нем следы праведности, и Аллах лишь внушил ему склонность ко мне". И мать Хасана умолкла, затаив гнев. А сердце ее сына было занято, и сон не брал его в эту ночь, так сильно он радовался тому, что сказал ему персиянин.

А когда наступило утро, он взял ключи и отпер лавку, и вдруг подошел к нему тот персиянин. И Хасан поднялся для него и хотел поцеловать ему руки, но старик не дал ему и не согласился на это и сказал: "О Хасан, приготовь плавильник и поставь мехи". И Хасан сделал то, что велел ему персиянин, и зажег угли. И тогда персиянин спросил его: "О дитя мое, есть у тебя медь?" – "У меня есть сломанное блюдо", – ответил Хасан. И персиянин велел ему сжать блюдо и разрезать его ножницами на мелкие куски. И Хасан сделал так, как сказал ему старик, и изрезал блюдо на мелкие куски и, бросив их в плавильник, дул на огонь мехами, пока куски не превратились в жидкость. И тогда персиянин протянул руку к своему тюбану и вынул из него свернутый листок и, развернув его, высыпал из него в плавильник с полдрахмы чего-то, и это было что-то похожее на желтую сурьму. И он велел Хасану дуть на жидкость мехами, и Хасан делал так, как он ему велел, пока жидкость не превратилась в слиток золота.

И когда Хасан увидел это, он оторопел, и его ум смутился от охватившей его радости. И он взял слиток и перевернул его и, взяв напильник, обточил слиток, и увидел, что это чистое золото высшей ценности. И его ум улетел, и он был ошеломлен от сильной радости и склонился к руке персиянина, чтобы ее поцеловать, но тот не дал ему и сказал: "Возьми этот слиток, пойди на рынок, продай его и получи его цену поскорее, и не разговаривай". И Хасан пошел на рынок и отдал слиток посреднику, и тот взял его и потер и увидел, что это чистое Золото. И ворота пены открыли десятью тысячами дирхемов, и купцы стали набавлять, и посредник продал слиток за пятнадцать тысяч дирхемов, и Хасан получил его цену. И он пошел домой и рассказал матери обо всем, что сделал, и сказал: "О матушка, я научился этому искусству".

И мать стала над ним смеяться и воскликнула: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот восьмидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан-ювелир рассказал своей матери о том, что сделал персиянин, и сказал: "Я научился этому искусству", его мать воскликнула: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" – и умолкла, затаив досаду.

А Хасан взял по своей глупости ступку и пошел с нею к персиянину, который сидел в лавке, и поставил ее перед ним. И персиянин спросил его: "О дитя мое, что ты хочешь делать с этой ступкой?" – "Мы положим ее в огонь и сделаем из нее золотые слитки", – сказал Хасан. И персиянин засмеялся и воскликнул: "О сын мой, бесноватый ты, что ли, чтобы выносить на рынок два слитка в один и ют же день! Разве ты не знаешь, что люди нас заподозрят и пропадут наши души? О дитя мое, когда я научу тебя этому искусству, не применяй его чаще, чем один раз в год, – этого хватит тебе от года до года". – "Ты прав, о господин мой", – сказал Хасан и сел в лавке и поставил плавильник и бросил уголь в огонь. И персиянин спросил его: "О дитя мое, что ты хочешь?" – "Научи меня этому искусству", сказал Хасан. И персиянин засмеялся и воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Ты, о сын мой, малоумен и совсем не годишься для этого искусства. Разве кто-нибудь в жизни учится этому искусству на перекрестке дороги или на рынках? Если мы займемся им в этом месте, люди скажут на нас: "Они делают алхимию". И услышат про нас судьи, и пропадут наши души. Если ты хочешь, о дитя мое, научиться этому искусству, пойдем со мной ко мне в дом".

И Хасан поднялся и запер лавку и отправился с персиянином, и когда он шел по дороге, он вдруг вспомнил слова своей матери и стал строить в душе тысячу расчетов. И он остановился и склонил голову к земле на некоторое время, и персиянин обернулся и, увидев, что Хасан стоит, засмеялся и воскликнул: "Бесноватый ты, что ли? Я затаил для тебя в сердце благо, а ты считаешь, что я буду тебе вредить! – А потом сказал ему: – Если ты боишься пойти со мной в мой дом, я пойду с тобою к тебе домой и научу тебя там". – "Хорошо, о дядюшка", –

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

ответил Хасан. И персиянин сказал: "Иди впереди меня!"

И Хасан пошел впереди него, а персиянин шел сзади, пока юноша не дошел до своего жилища. И Хасан вошел в дом и нашел свою мать, и рассказал о приходе персиянина (а персиянин стоял у ворот), и она убрала для них дом и привела его в порядок и, покончив с этим дедом, ушла. И тогда Хасан позволил персиянину войти, и тот вошел, а Хасан взял в руку блюдо и пошел с ним на рынок, чтобы принести в нем чего-нибудь поесть. И он вышел и принес еду и, поставив ее перед персиянином, сказал: "Ешь, о господин мой, чтобы были между нами хлеб и соль. Аллах великий отомстит тому, кто обманывает хлеб и соль". И персиянин ответил: "Ты прав, о сын мой! – А затем улыбнулся и сказал: – О дитя мое, кто знает цену хлеба и соли?" И потом персиянин подошел, и они с Хасаном ели, пока не насытились, а затем персиянин сказал: "О сын мой Хасан, принеси нам чего-нибудь сладкого". И Хасан пошел на рынок и принес десять чашек сладкого, и он был рад тому, что сказал персиянин. И когда он подал ему сладкое, персиянин поел его, и Хасан поел с ним, и потом персиянин сказал Хасану: "Да воздаст тебе Аллах благом, о дитя мое! С подобным тебе водят люди дружбу, открывают свои тайны и учат тому, что полезно! О Хасан, принеси инструменты", – сказал он потом.

И Хасан не верил этим словам, и он побежал, точно жеребенок, несущийся по весеннему лугу, и пришел в лавку и взял инструменты и вернулся и положил их перед персиянином. И персиянин вынул бумажный сверток и сказал: "О Хасан, клянусь хлебом и солью, если бы ты не был мне дороже сына, я бы не показал тебе этого искусства, так как у меня не осталось эликсира, кроме того, что в этом свертке. Но смотри внимательно, когда я буду составлять зелья и класть их перед тобой. И знай, о дитя мое, о Хасан, что ты будешь класть на каждые десять ритлей меди полдрахмы того, что в этой бумажке, и тогда станут эти десять ритлей золотом, чистым и беспримесным. О дитя мое, о Хасан, – сказал он потом, – в этой бумажке три унции, на египетский вес, а когда кончится то, что в этой бумажке, я сделаю тебе еще".

И Хасан взял бумажку и увидел в ней что-то желтое, более мелкое, чем первый порошок, и сказал: "О господин, как это называется, где его находят, и для чего оно употребляется?" И персиянин засмеялся и захотел захватить Хасана и сказал: "О чем ты спрашиваешь? Работай и молчи!" И он взял чашку из вещей дома и разломал ее и бросил в плавильник и насыпал туда немного того, что было в бумажке, и медь превратилась в слиток чистого золота. И когда Хасан увидел это, он сильно обрадовался и смутился в уме и был занят только мыслью об этом слитке. И персиянин быстро вынул из тюбана на голове мешочек, в котором был такой бандж, что если бы его понюхал слон, он бы, наверное, проспал от ночи до ночи, и разломал этот бандж и положил его в кусок сладкого и сказал: "О Хасан, ты стал моим сыном и сделался мне дороже души и денег, и у меня есть дочь, на которой я тебя женю". – "Я твой слуга, и все, что ты со мной сделаешь, будет сохранено у Аллаха великого", – ответил Хасан. И персиянин сказал: "О дитя мое, продли терпение и внуши твоей душе стойкость, и достанется тебе благо!"

И затем он подал ему тот кусок сладкого, и Хасан взял его и поцеловал персиянину руку и положил сладкое в рот, не зная, что таится для него в неведомом. И он проглотил кусок сладкого, и голова его опередила ноги, и мир исчез для него. И когда персиянин увидел, что на Хасана опустилось небытие, он обрадовался великой радостью и поднялся на ноги и воскликнул: "Попался, о негодяй, о пес арабов, в мои сети! Я много лет искал тебя, пока не завладел тобой, о Хасан!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан-ювелир съел кусок сладкого, который дал ему персиянин, и упал на землю, покрытый беспамятством, персиянин обрадовался и воскликнул: "Я много лет искал тебя, пока не завладел тобою!" А потом персиянин затянул пояс и скрутил Хасана, связав ему ноги с руками, и, взяв сундук, вынул вещи, которые в нем были, положил в него Хасана и запер его. И он опорожнил другой сундук и положил в него все деньги, бывшие у Хасана, и золотые слитки, которые он сделал, и запер сундук, а потом он вышел и побежал на рынок и привел носильщика, и тот взял оба сундука и вынес их за город и поставил на берегу моря.

И персиянин направился к кораблю, который стоял на якоре (а этот корабль был назначен и приготовлен для персиянина, и капитан корабля ожидал его), и когда матросы увидели его, они подошли к нему и понесли сундуки и поставили их на корабль. И персиянин закричал капитану и всем матросам: "Поднимайтесь, дело кончено, и мы достигли желаемого!" И капитан крикнул матросам: "Выдергивайте якоря и распускайте паруса!" И корабль поплыл при хорошем ветре, и вот что было с персиянином и Хасаном.

Что же касается матери Хасана, то она ждала его до времени ужина, но не услышала его голоса и не узнала о нем вестей вообще и совершенно. И она пришла к дому и увидела, что он отперт, и, войдя, не увидела в нем никого и не нашла ни сундуков, ни денег. И поняла она, что ее сын пропал и что исполнен над ним приговор, и стала бить себя по щекам и разодрала свои одежды и начала кричать и вопить, восклицая: "Увы, мой сын! Увы, плод моей души!" – а потом произнесла такие стихи:

"Терпенье уменьшилось, волнение усилилось;

Сильнее рыдания о вас и привязанность.

Аллахом клянусь, в разлуке с вами нет стойкости,

И как мне быть стойкою, расставшись с надеждами?

И после любимого могу ль насладиться сном,

И кто наслаждается, живя в унижении?

Уехал ты, и тоскует дом, и живущий в нем,

И чистую замутил в колодце ты воду мне.

Ты был мне помощником во всех моих бедствиях,

Ты славой мне в мире был, и сыном, и помощью,

О, пусть не настал бы день, когда в отдаленье ты

От глаз, если вновь тебе вернуться не суждено!"

И она плакала и рыдала до утра, и вошли к ней соседи и спросили ее про сына, и она рассказала им о том, что случилось у него с персиянином, и решила, что она никогда не увидит его после этого. И она стала ходить по дому и плакать, и, когда она ходила по дому, она вдруг увидела две строки, написанные на стенке. И она позвала факиха, и тот прочитал их, и оказалось, что в этих строках написано:

"Летела тень Лейлы к нам, когда одолел нас сон

Под утро, и все друзья в равнине заснули.

По вот пробудились мы, когда прилетела тень,

И вижу я – дом пустой и цель отдаленна".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И, услышав эти стихи, мать Хасана закричала: "Да, о дитя мое, дом пустой и цель отдаленна!" И соседи оставили ее, пожелав ей быть стойкой и вскоре соединиться с сыном, и ушли, а мать Хасана не переставая плакала в часы ночи и част дня. И она построила посреди дома гробницу и написала на ней имя Хасана и число его исчезновения и не покидала этой гробницы, и это было всегда для нее обычным с тех пор, как сын оставил ее.

Вот что было с нею. Что же касается ее сына Хасана и персиянина, то персиянин был магом² и очень ненавидел мусульман, и всякий раз как он овладевал кемнибудь из мусульман, то губил его. Это был человек скверный, мерзкий, кладоискатель, алхимик и нечестивец, как сказал о нем поэт:

Он пес, и рожден был псом, и дед его тоже пес,

А блага не жди от пса, что псом был рожден на свет,

И еще такой стих:

Злодеев сын, собачий сын, послушник он,

Разврата сын, обмана сын, отступник он!

И было имя этого проклятого – Бахрам–маг, и каждый год у него был один мусульманин, которого он Захватывал и убивал над кладом. И когда удалась его хитрость с Хасаном–ювелиром, он проплыл с ним от начала дня до ночи, и корабль простоял у берега до утра. А когда взошло солнце и корабль опять поплыл, персиянин приказал своим рабам и слугам принести сундук, в котором был Хасан, и ему принесли его, и персиянин открыл сундук и вынул оттуда Хасана. Он дал ему по" нюхать уксусу и вдунул ему в нос порошок, и Хасан чихнул и изверг бандж и раскрыл глаза и посмотрел на" право и налево и увидел себя посреди моря, и корабль плыл, и персиянин сидел подле него.

И понял Хасан, что это хитрость с ним устроенная, и устроил ее проклятый Бахрам–маг, и что он попал в беду от которой предостерегала его мать, и тогда Хасан произнес слова, говорящий которые не устыдится: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Боже мой, будь милостив ко мне в твоём приговоре и дай мне терпение в испытании твоём, о господе миров!" А потом он обратился к персиянину и заговорил с ним мягкими словами и сказал ему: "О мой родитель, что это за по" ступки, и где хлеб и соль и клятва, которой ты мне поклялся?" И персиянин посмотрел на него и сказал: "О пес, разве подобный мне признает хлеб и соль? Я убил тысячу юношей таких, как ты, без одного, и ты завершишь тысячу".

И он закричал на Хасана, и тот умолк и понял, что стрела судьбы пронзила его..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан увидел, что он попал в руки проклятого персиянина, он заговорил с ним мягкими словами, но это не помогло, и персиянин закричал на него, и Хасан умолк и понял, что стрела судьбы его пронзила. И тогда проклятый велел развязать его узы, и ему дали выпить немного воды, а маг смеялся и говорил: "Клянусь огнем, светом и тенью и жаром, не думал я, что ты попадешься в мои сети! Но огонь дал мне против тебя силу и помог мне тебя захватить, чтобы я исполнил задуманное. Я вернусь и сделаю тебя жертвою огня, чтобы он надо мной умиловился!" – "Ты обманул хлеб и соль", – сказал ему Хасан. И маг поднял руку и ударил его один раз, и Хасан упал и укусил землю зубами и обмер, и слезы потекли по его щеке.

А потом маг приказал своим слугам зажечь огонь, и Хасан спросил его: "Что ты будешь с ним делать?" И маг ответил: "Этот огонь – владыка света и искр; ему–то я и поклоняюсь. Если ты поклонись ему, как я, я отдам тебе половину моего богатства и женю тебя на моей дочери". И Хасан закричал на мага и сказал ему: "Горе тебе! Ты маг и нечестивец и поклоняешься огню, вместо всевластного владыки, творца ночи и дня, и эта религия – бедствие среди религий". И маг разгневался и воскликнул: "Разве ты не уступишь мне, о пес арабов, и не войдешь в мою веру?" И Хасан не уступил ему в этом, и тогда проклятый маг встал и пал перед огнем ниц и велел своим слугам разложить Хасана вниз лицом. И Хасана разложили лицом вниз, и маг принялся бить его бичом, сплетенным из кожи, и разодрал ему бока. И Хасан звал на помощь, но не получил ее, и зывал о защите, но никто его не защитил. И он поднял взоры к владыке покоряющему, и искал близости к нему через избранного пророка, и лишился он стойкости, и слезы текли по его щекам, как дождь, и он произнес такие стихи:

"Терпенье в том, что ты судил мне, о мой бог.

Я все стерплю, когда тебе угодно так!

Жестоки, злобны и враждебны были к нам.

Быть может, кроткий, все простишь, что было, ты".

И маг приказал рабам посадить Хасана и велел им принести ему кое какой еды и питья, и ему принесли, по Хасан не согласился есть и пить. И маг пытал его ночью и днем на протяжении пути, а Хасан был стоек и умолял Аллаха, великого, славного, и сердце мага было к нему жестоко.

И они плыли по морю три месяца, и Хасан плыл с магом, подвергаясь мучениям. И когда три месяца исполнились, Аллах великий послал на корабль ветер, и море почернело и взволновалось под кораблем из–за сильного ветра. И капитан и матросы сказали: "Клянемся Аллахом, всему виной этот юноша, который уже три месяца терпит мучения от этого мага! Это не дозволено Аллахом великим!" И они напали на мага и убили его слуг и тех, кто был с ним. И когда маг увидел, что они убили слуг, он убедился в своей гибели и испугался за себя, и освободил Хасана от уз, и, сняв бывшую на нем поношенную одежду, одел его в другую и помирился с ним, и обещал ему, что научит его искусству и возвратит его в его страну, и сказал: "О дитя мое, не взыщи с меня за то, что я с тобой сделал". "Как я могу на тебя полагаться", – сказал Хасан. И маг воскликнул: "О дитя мое, не будь греха, не было бы и прощения, и я сделал с тобой эти дела, только чтобы видеть твою стойкость! Ты ведь знаешь, что все дела в руках Аллаха!"

И матросы с капитаном обрадовались освобождению Хасана, и он пожелал им блага и прославил Аллаха великого и поблагодарил его. И ветры успокоились, и рассеялся мрак, и хорошим стал ветер и спокойным – путешествие. И потом Хасан сказал магу: "О персиянин, куда ты направляешься?" И тот ответил: "О дитя мое, я направляюсь к Горе Облаков, где находится эликсир, с которым мы делаем алхимию". И маг поклялся Хасану огнем и светом, что у него не осталось для Хасана ничего страшного, и сердце Хасана успокоилось, и он обрадовался словам мага и стал с ним есть и пить и спать, и маг одевал его в платья из своих платьев.

И так они непрерывно плыли в течение еще трех месяцев, а после этого их корабль пристал к длинной полосе суши, которая была вся покрыта камешками: белыми, желтыми, синими, черными и всевозможных других цветов, и когда корабль пристал, маг поднялся на ноги и сказал: "О Хасан, поднимайся, выходи! Мы прибыли к тому, что ищем и желаем".

И Хасан поднялся и вышел вместе с персиянином, и маг поручил капитану свои вещи, а потом Хасан пошел с магом, и они отдалились от корабля и скрылись с глаз. И маг сел и вынул из–за пазухи медный барабан и шелковый жгут, разрисованный золотом, на котором были написаны талисманы, и стал бить в барабан, и когда он кончил, поднялась над пустыней пыль. И Хасан удивился поступкам мага и испугался и раскаялся, что пошел с ним, и цвет его лица изменился, и маг посмотрел на него и сказал: "Что с тобой, о дитя мое? Клянусь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

огнем и мечом, тебе нечего больше меня бояться! Если бы мое дело не было исполнимо только с помощи твоего имени, я бы не увел тебя с корабля. Радуйся же полному благу. А эту пыль подняло то, на чем мы поедем и что поможет нам пересечь пустыню и облегчит ее тяготы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин сказал Хасану: "Эта пыль пыль от того, на чем мы поедем и что нам поможет пересечь пустыню и облегчит ее тяготы". И прошло лишь небольшое время, и пыль рассеялась, открыв трех верховых верблюдов. И персиянин сел на одного, и Хасан сел на другого, а припасы они положили на третьего. И они проехали семь дней и доехали до обширной земли, и, остановившись на этой земле, они увидели постройку в виде купола, утвержденную на четырех столбах из червонного золота, и сошли с верблюдов и вошли под купол и поели, попили и отдохнули.

И Хасан бросил взгляд и увидел вдруг что-то высокое и спросил персиянина: "Что это такое, о дядюшка?" И маг ответил: "Это дворец". – "Не встанешь ли ты, чтобы нам войти туда и отдохнуть там и посмотреть на дворец?" – спросил Хасан. И маг рассердился и сказал: "Не говори мне об этом дворце! В нем мой враг, и у меня с ним случилась история, которую сейчас не время тебе рассказывать". И потом он ударил в барабан, и подошли верблюды, и путники сели и проехали еще семь дней.

А когда наступил восьмой день, маг сказал: "О Хасан, что ты видишь?" И Хасан ответил: "Я вижу облака и тучи между востоком и западом". – "Это не облака и не тучи, – ответил маг, – это гора, большая и высокая, на которой разделяются облака. Здесь нет облаков выше нее, так велика ее высота и так значительно она поднимается. Эта гора и есть цель моих стремлений, и на вершине ее – то, что нам нужно, и я из-за этого привел тебя с собою, и мое желание исполнится твоей рукою". И Хасан отчаялся, что будет жив, и сказал магу: "Ради того, кому ты поклоняешься, и ради той веры, которую ты исповедуешь, скажи мне, что это за желание, из-за которого ты меня привел?" И маг ответил: "Искусство алхимии удастся только с травой, которая растет в таком месте, где проходят облака и разрываются. Такое место – эта гора, и трава – на ее вершине, и когда мы добудем траву, я покажу тебе, что это за искусство". И Хасан сказал ему со страху: "Хорошо, о господин!" – и потерял надежду, что будет жив, и заплакал из-за разлуки со своей матерью, близкими и родиной. И он раскаялся, что не послушался матери, и произнес такие стихи:

"Взгляни на дело господа – приносит

Любезную тебе он быстро помощь"

Храни надежду, не достигнув дела,

Ведь сколько милости в делах предивной!"

И они ехали до тех пор, пока не приехали к этой горе, и остановились под нею. И Хасан увидал на этой горе дворец и спросил мага: "Что это за дворец?" – "Это – обиталище джиннов, гулей и шайтанов", – ответил маг. А потом он сошел со своего верблюда и велел сойти Хасану и, подойдя к нему, поцеловал его в голову и сказал: "Не взыщи с меня за то, что я с тобой сделал, – я буду тебя охранять, когда ты войдешь во дворец, и возьму с тебя клятву, что ты не обманешь меня ни в чем из того, что принесешь оттуда, и мы будем с тобою в этом равны". И Хасан сказал: "Внимание и повиновение!"

И тогда персиянин открыл мешок и вынул оттуда жернов и еще вынул немного пшеницы и смолот ее на этом жернове и замесил из нее три лепешки. И он зажег огонь и спек лепешки, а затем он вынул медный барабан и разрисованный жгут и начал бить в барабан, и появились верблюды, и тогда персиянин выбрал из них одного и зарезал его и содрал с него шкуру и, обратившись к Хасану, сказал ему: "Слушай, о дитя мое, о Хасан, что я тебе скажу". – "Хорошо", – ответил Хасан. И персиянин молвил: "Войди в эту шкуру, и я зашью тебя и брошу на землю, и прилетит птица ястреб, и понесет тебя, и взлетит с тобою на вершину горы. Возьми с собой этот нож, и, когда птица перестанет лететь, и ты почувствуешь, что она положила тебя на гору, проткни ножом шкуру и выйди: птица тебя испугается и улетит, а ты нагнись ко мне с вершины горы и крикни мне, и я скажу тебе, что делать".

И он приготовил ему те три лепешки и бурдючок с водой и положил это, вместе с ним, в шкуру и зашил ее.

А потом персиянин удалился, и прилетела птица ястреб и понесла Хасана и взлетела с ним на вершину горы. И она положила Хасана, и когда Хасан понял, что ястреб положил его на гору, он проткнул шкуру и вышел из нее и крикнул магу. И, услышав его слова, маг обрадовался и заплясал от сильной радости и крикнул: "Иди назад и обо всем, что увидишь, осведоми меня". И Хасан пошел и увидел много истлевших костей, возле которых было множество дров, и рассказал персиянину обо всем, что увидел, и персиянин крикнул: "К этому-то мы и стремимся и этого ищем! Набери дров шесть вязанок и сбрось их ко мне. С ними-то мы и делаем алхимию".

И Хасан сбросил ему шесть вязанок, и, увидев, что эти вязанки достигли его, маг крикнул Хасану: "О негодяй, исполнено дело, которое я хотел от тебя! Если хочешь, оставайся на горе или кинься вниз на землю, чтобы погибнуть". И после этого маг ушел, а Хасан воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Этот пес схитрил со мной!" И он сел и принялся оплакивать себя и произнес такие стихи:

"Когда Аллах захочет сделать что-нибудь

С разумным мужем, видящим и слышащим,

Он оглушит его, и сердце ослепит,

И разум вырвет у него, как волосок!

Когда же суд над ним исполнит свой господь,

Вернет он ум ему, чтоб поучался он.

Не спрашивай о том, что было, "Почему?"

Все будет, как судьба твоя и рок велит..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят четвертая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда маг поднял Хасана на гору и Хасан сбросил ему сверху то, что было ему нужно, персиянин выругал его, а потом он оставил его и ушел.

И воскликнул Хасан: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Этот проклятый пес схитрил со мной".

И он поднялся на ноги и посмотрел направо и налево и пошел по вершине горы, уверенный в душе, что умрет. И он ходил, пока не дошел до другого конца горы. И тогда он увидел возле горы синее море, где бились волны, и море пенилось, и каждая волна была, как большая гора. И Хасан сел и прочитал сколько пришлось из Корана и попросил Аллаха великого облегчить его участь либо смертью, либо

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

освобождением от этих бедствий, а потом он прочитал над собой похоронную молитву и бросился в море. И волны несли его, хранимого Аллахом великим, пока он не вышел из моря невредимый, по могуществу Аллаха великого, и он обрадовался и прославил великого Аллаха и поблагодарил его.

И потом Хасан встал и пошел, ища чего–нибудь поесть, и, когда это было так, он вдруг оказался в том месте, в котором стоял с Бахрамом–магом. И он прошел немного и вдруг увидел большой дворец, высящийся в воздухе, и он вошел туда, и оказалось, что это тот дворец, о котором он спрашивал мага, и Бахрам сказал ему: "В этом дворце мой враг". И Хасан воскликнул: "Клянусь Аллахом, я непременно должен войти в этот дворец. Быть может, облегчение достанется мне там!" И он подошел ко дворцу и увидел, что ворота его открыты, и, войдя в ворота, он увидел в проходе каменную скамью, а на скамье – двух девушек, подобных луне, перед которыми стояла шахматная доска, и они играли. И одна из девушек подняла голову к Хасану и закричала от радости и сказала: "Клянусь Аллахом, это сын Адама, и я думаю, это тот, которого привел в этом году Бахрам–маг".

И когда Хасан услышал ее слова, он бросился перед девушками на землю и заплакал сильным плачем и воскликнул: "О госпожи мои, клянусь Аллахом, я и есть этот бедняк!" И младшая девушка сказала своей старшей сестре: "Засвидетельствуй, о сестрица, что этот человек – мой брат по обету Аллаха и клятве ему, и я умру его смертью, буду жить его жизнью, радоваться его радостью и печалиться его печалью". И она поднялась и обняла Хасана и поцеловала его и, взяв его за руку, вошла с ним во дворец, и ее сестра вошла с нею. И девушка сняла с Хасана его поношенные одежды, принесла одеяние из платьев царей и надела его на юношу, а потом приготовила ему всевозможные кушанья и подала их Хасану и села, вместе со своей сестрой. И они поели с Хасаном и сказали ему: "Расскажи нам твою историю с этим псом и нечестивым колдуном с тех пор, как ты попался ему в руки, и до тех пор, как ты от него освободился, а мы расскажем тебе, что у нас с ним случилось от начала до конца, чтобы ты был от него настороже, когда его увидишь".

И когда Хасан услышал их слова и увидел, что они с ним приветливы, его душа успокоилась, и ум вернулся к нему, и он рассказал девушкам о том, что у него случилось с магом от начала до конца. "А ты спрашивал его об этом дворце?" – спросили девушки. И Хасан ответил: "Да, я его спрашивал, и он сказал мне: "Я не люблю упоминания о нем, так как этот дворец принадлежит шайтанам и дьяволам". И девушки разгневались сильным гневом и сказали: "Разве этот нечестивец считает нас шайтанами и дьяволами?" – "Да", – ответил Хасан. И младшая девушка, сестра Хасана, воскликнула: "Клянусь Аллахом, я убью его наихудшим убийством и лишу его земного ветерка". – "А как ты до него доберешься и убьешь его: он ведь колдун и обманщик?" – спросил Хасан. И девушка ответила: "Он в саду, который называется аль–Машид, и я непременно вскоре его убью". – "Хасан сказал правду, и все, что он говорил про этого пса, – правильно, – сказала ее сестра, – но расскажи ему всю нашу историю, чтобы она осталась у него в уме".

И молоденькая девушка сказала: "Знай, о брат мой, что мы царевны и отец наш царь из царей джиннов, великих саном, и у него есть войска, приближенные и слуги из маридов. И наделил его Аллах великий семью дочерьми от одной жены, и охватила его скупость, ревность и гордость, больше которой не бывает, так что он не отдавал нас замуж ни за кого из людей. И он позвал своих везирей и приближенных и спросил их: "Знаете ли вы для меня место, куда не заходит прохожий, ни из джиннов, ни из людей, и где много деревьев, плодов и каналов?" И спрошенные сказали ему: "Что ты будешь нам делать, царь времени?" И царь ответил: "Я хочу поместить туда семь моих дочерей". – "О царь, – сказали тогда везири, – для них подойдет дворец Горы Облаков, построенный одним ифритом из маридов–джиннов, которые взбунтовались во времена господина нашего Сулеймана, – мир с ним! – и когда этот ифрит погиб, никто не жил после него во дворце, ни джинн, ни человек, так как он отовсюду отрезан и не может добраться до него никто. И окружают его деревья, плоды и каналы, и вокруг него текучая вода, слаще меда и холоднее снега, и не пил ее никто из больных проказой, слоновой болезнью или чем–нибудь другим, без того, чтобы не поправиться в тот же час и минуту". И когда наш отец услышал это, он послал нас в этот дворец и послал с нами солдат и воинов и собрал для нас все, что нам во дворце нужно. И когда наш отец хочет выезжать, он бьет в барабан, и являются к нему все войска, и он выбирает из них тех, кого посадит на коней, а остальные уходят. А когда наш отец хочет, чтобы мы явились к нему, он приказывает своим приближенным из колдунов привести нас, и они приходят к нам и берут нас и доставляют к нему, чтобы он развлекался с нами и мы бы сказали о том, что мы от него хотим, а потом они снова приводят нас на место. И у нас есть еще пять сестер, которые ушли поохотиться в этой пустыне, в ней столько зверей, что их не счесть и не перечислить. И две из нас по очереди остаются дома, чтобы готовить кушанье, и пришла очередь оставаться нам: мне и этой моей сестре, и мы остались готовить им кушанье. И мы просили Аллаха, – слава ему и величие! – чтобы он послал к нам человека, который бы нас развлекал; да будет же слава Аллаху, который привел тебя к нам! Успокой свою душу и прохлады глаза: с тобою не будет дурного".

И Хасан обрадовался и воскликнул: "Хвала Аллаху, который привел нас на путь освобождения и расположил к нам сердца!" И его сестра поднялась, взяла его за руку и привела в комнату и вынесла из нее материи и подстилки, которых не может иметь никто из сотворенных. А потом, через некоторое время, пришли ее сестры с охоты и ловли, и им рассказали историю Хасана, и девушки обрадовались ему и вошли к нему в комнату и поздоровались с ним и поздравили его со спасением. И Хасан жил у них наилучшей жизнью, в приятнейшей радости и выходил с ними на охоту и ловлю и резал дичь и подружился с девушками. И он оставался у них таким образом, пока тело его не выздоровело и он не исцелился от того, что с ним было, и его тело стало сильным, и потолстело и разжирело, так как он жил в уважении и пребывал с девушками в этом месте. И он ходил и гулял с ними в этом разукрашенном дворце и во всех садах, среди цветов, и девушки обращались с ним ласково и дружески с ним разговаривали, и прошла его тоска от одиночества, и увеличилась радость и счастье девушек из–за Хасана, и он тоже радовался им, еще больше, чем они ему радовались. И его маленькая сестра рассказала своим сестрам историю о Бахrame–маге и рассказала им, как он счел их шайтанами, дьяволами и гулями, и они поклялись ей, что непременно его убьют.

А когда наступил следующий год, явился этот проклятый, и с ним был красивый юноша–мусульманин, подобный луне, и он был закован в оковы и подвергался величайшим пыткам. И маг спустился с ним ко дворцу, в котором жил Хасан с девушками, а Хасан сидел у канала, под деревьями. И когда он увидал мага, его сердце затрепетало, и цвет его лица изменился, и он всплеснул руками..."

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят пятая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан–ювелир увидел мага, его сердце затрепетало, и цвет его лица изменился, и он всплеснул руками и сказал девушкам: "Ради Аллаха, сестрицы, помогите мне убить этого проклятого! Вот он пришел и оказался в ваших руках и с ним пленный юноша–мусульманин из сыновей знатных людей, и маг его пытается всякими болезненными пытками. Я хочу его убить и исцелить от него мое сердце и избавить этого юношу от пытки и получить небесную награду, а юноша–мусульманин вернется на родину и встретится со своими братьями, родными и любимыми, и будет это ему милостыней от вас, и вы получите награду от Аллаха великого". И девушки ответили: "Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о Хасан!"

А затем они опустили на лица покрывала, надели боевые доспехи и подвязали мечи и привели Хасану коня из лучших коней и снарядили его, дав ему полное облачение, и вооружили его прекрасным оружием. А затем они все отправились и увидели, что маг уже зарезал верблюда и ободрал его и мучает юношу и говорит ему: "Влезь в эту шкуру!" И Хасан подошел к магу сзади, а маг не знал этого, и закричал на него и ошеломил его и помрачил ему рассудок.

А потом Хасан подошел к магу и крикнул: "Убери руку, о проклятый, о враг Аллаха и враг мусульман, о пес, о вероломный, о поклоняющийся огню, о шествующий по дороге нечестия. Будешь ты поклоняться огню и свету и клясться тенью и жаром?" И маг обернулся и увидел Хасана и сказал ему: "О дитя мое, как ты освободился и кто свел тебя на землю?" – "Меня освободил Аллах великий, который обрек твою душу на гибель, – ответил Хасан. – Как ты мучил меня всю дорогу, о нечестивый, о зиндик, так и сам попал в беду и уклонился от пути! Ни мать не поможет тебе, ни брат, ни друг, ни крепкий обет! Ты говорил: "Кто обманет хлеб и соль, тому отомстит Аллах", вот ты и обманул хлеб и соль, и вверх тебя великий Аллах в мои руки, и стало освобождение твое далеким". – "Клянусь Аллахом, о дитя мое, ты мне дороже души и света моего глаза!" – воскликнул маг.

Но Хасан подошел к нему и поспешил ударить его в плечо, и меч вышел, блистая, из его шейных связок, и поспешил Аллах направить его дух в огонь (скверное это обиталище). А потом Хасан взял мешок, который был у персиянина, и развязал его и вынул из него барабан и жгут и ударил жгутом по барабану, и прибежали к Хасану верблюды, как молния. И Хасан освободил юношу от уз и посадил его на одного

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

верблюда, а другого он нагрузил пищей и водой, и потом он сказал юноше: "Отправляйся к своей цели". И юноша уехал после того, как Аллах великий освободил его из беды руками Хасана. А девушки, увидев, что Хасан отрубил магу голову, обрадовались сильной радостью и окружили его, дивясь его доблести и силе его ярости, и поблагодарили его за то, что он сделал, поздравили его со спасением и сказали: "О Хасан, ты сделал дело, которым излечил больного и убоготворил великого владыку!"

И Хасан пошел с девушками во дворец и проводил время с ними за едой, питьем, играми и смехом, и приятно было ему пребывание у них, и забыл он свою мать. И когда он жил с ними самой сладостной жизнью, вдруг поднялась из глубины пустыни великая пыль, от которой померк воздух, и девушки сказали ему: "Поднимайся, о Хасан, иди в твою комнату и спрячься, а если хочешь, пойди в сад и спрячься среди деревьев и лоз – с тобой не будет дурного". И Хасан поднялся и вошел в свою комнату и спрятался там и заперся в комнате, внутри дворца. И через минуту пыль рассеялась, и показалось из-под нее влачащееся войско, подобное ревущему морю, которое шло от отца девушек. И когда воины пришли, девушки поселили их у себя наилучшим образом и угощали их три дня, а после этого они спросили об их обстоятельствах и в чем с ними дело, и воины сказали: "Мы пришли от царя, за вами!" – "А что царь от нас хочет?" – спросили девушки. И воины сказали: "Кто-то из царей устраивает свадьбу, и ваш отец хочет, чтобы вы присутствовали на этой свадьбе и позабавились". – "А сколько времени мы будем отсутствовать?" – спросили девушки. И воины сказали: "Время пути туда и назад и пребывания у вашего отца в течение двух месяцев".

И девушки поднялись и вошли во дворец к Хасану и осведомили его о том, как обстоит дело, и сказали ему: "Это место – твоё место, и наш дом – твой дом; будь же спокоен душою и прохлади глаза. Не бойся и не печалься! Никто не может прийти к нам в это место. Будь же спокоен сердцем и весел умом, пока мы не придем к тебе, и вот у тебя будут ключи от наших комнат. Но только, о брат мой, мы просим тебя, во имя братства, не открывай вот этой двери: открывать ее тебе нет разрешения". И затем они простились с Хасаном и ушли вместе с воинами.

И остался Хасан сидеть во дворце один. И грудь его стеснилась, и стойкость истощилась, и увеличилась его грусть, и он почувствовал себя одиноким и опечалился о том, что расстался с девушками, великой печалью, и стал для него тесен дворец при его обширности. И, увидев себя одиноким и тоскующим, Хасан вспомнил девушек и произнес такие стихи:

"Тесна равнина стала вся в глазах моих,

И смутилось сердце теперь совсем из-за этого.

Ушли друзья, и после них все ясное

Снова стало смутным, и слез струя из глаз течет.

Покинул сон глаза мои, как ушли они,

И все опять так смутно стало в душе моей.

Увидим ли, что время снова нас сведет

И вернется с ними любимый друг, собеседник мой..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят шестая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан, после ухода девушек, сидел во дворце один, и стеснилась его грудь из-за разлуки с ними, и он стал ходить один на охоту в равнинах и приносил дичь и убивал ее и ел один, и усилилась его тоска и тревога из-за одиночества.

И однажды он поднялся и обошел дворец кругом и осмотрел его со всех сторон и открыл комнаты девушек и увидел там богатства, которые отнимают разум у смотрящих, но ничто из этого его не услаждало по причине отсутствия девушек. И запылал у него в душе огонь из-за той двери, которую его сестра наказывала ему не открывать и велела ему к ней не приближаться и никогда не открывать ее, и Он сказал про себя: "Моя сестра наказала мне не открывать этой двери лишь потому, что там есть нечто, чего она не хочет никому дать узнать. Клянусь Аллахом, я встану и открою ее, и посмотрю, что там есть, даже если бы за этой дверью была гибель". И Он взял ключ и отпер дверь и не нашел в комнате никаких богатств, но увидел в глубине комнаты каменную винтовую лестницу из йеменского оникса. И он стал взбираться по этой лестнице и поднимался до тех пор, пока не достиг крыши дворца, и тогда он сказал себе: "Вот отчего они меня удерживали".

И он обошел по крыше кругом и оказался над местностью под дворцом, которая была полна полей, садов, деревьев, цветов, Зверей и птиц, щебетавших и прославлявших Аллаха великого, единого, покоряющего, и Хасан начал всматриваться в эту местность и увидел ревущее море, где бились волны. И он ходил вокруг этого дворца направо и налево, пока не дошел до помещения на четырех столбах, и В нем он увидел залу, украшенную всевозможными камнями: яхонтами, изумрудами, бадахшанскими рубинами и всякими драгоценностями, и она была построена так, что один кирпич был из золота, другой – из серебра, третий – из яхонта, и четвертый – из зеленого изумруда. А посредине этого помещения был пруд, полный воды, и над ним тянулась ограда из сандалового дерева и алоэ, в которую вплетены были прутья червонного золота и зеленого изумруда, украшенные всевозможными драгоценностями и жемчугом, каждое зерно которого было величиной с голубиное яйцо. А возле пруда стояло ложе из алоэ, украшенное жемчугом и драгоценностями, и в него были вделаны всевозможные цветные камни и дорогие металлы, которые, в украшениях, были расположены друг против друга. И вокруг ложа щебетали птицы на разных языках, прославляя Аллаха великого красотой своих голосов и разнообразием наречий.

И не владел дворцом, подобным этому, ни Хосрой, ни кесарь [616].

И Хасан был ошеломлен, увидя это, и сел и стал смотреть на то, что было вокруг него, и он сидел в этом дворце, дивясь на красоту его убранства и блеск окружавшего его жемчуга и яхонтов и на бывшие во дворце всевозможные изделия и дивясь также на эти поля и птиц, которые прославляли Аллаха, единого, покоряющего. И он смотрел на памятник тех, кому великий Аллах дал власть построить такой дворец, – поистине, он велик саном!

И вдруг появились десять птиц, которые летели со стороны пустыни, направляясь в этот дворец к пруду.

И Хасан понял, что они направляются к пруду, чтобы налиться воды. И он спрятался от птиц, боясь, что они увидят его и улетят, а птицы опустились на большое прекрасное дерево и окружили его. И Хасан заметил среди них большую прекрасную птицу, самую красивую из всех, и остальные птицы окружали ее и прислуживали ей. И Хасан удивился этому, а та птица начала клевать других птиц клювом и обижать их, и они от нее убегали, и Хасан стоял и смотрел на них издали. И потом птицы сели на ложе, и каждая из них содрала с себя когтями кожу и вышла из нее, и вдруг оказалось, что это одежды из перьев. И из одежд вышли десять невинных девушек, которые позорили своей красотой блеск лун. И, обнажившись, они все вошли в пруд и помылись и стали играть и шутить друг с другом, а птица, которая превосходила их, начала бросать их в воду и погружать, и они убегали от нее и не могли протянуть к ней руки.

И, увидав ее, Хасан лишился здравого рассудка, и его ум был похищен, и понял он, что его сестра запретила ему открывать дверь только по этой причине. И Хасана охватила любовь к этой девушке, так как он увидел ее красоту, прелесть, стройность и соразмерность. И она играла и шутила и брызгалась водой, а Хасан стоял и смотрел на девушек и вздыхал от того, что был не с ними, и его ум был смущен красотой старшей девушки. Его сердце запуталось в сетях любви к ней, и он попал в сети страсти, и глаза его смотрели, а в сердце был сжигающий огонь – душа ведь повелевает злое. И Хасан заплакал от влечения к ее красоте и прелести, и вспыхнули у него в сердце огни

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

из-за девушки, и усилилось в нем пламя, искры которого не потухали, и страсть, след которой не исчезал.

А потом, после этого, девушки вышли из пруда, и Хасан стоял и смотрел на них, а они его не видели, и он дивился их красоте, и прелести, и нежности их свойств, и изяществу их черт. И он бросил взгляд и посмотрел на старшую девушку, а она была нагая, и стало ему видно то, что было у нее между бедер, и был это большой круглый купол с четырьмя столбами, подобный чашке, серебряной или хрустальной, и Хасан вспомнил слова поэта:

И поднял рубаху я, и каф ее обнажил,

И вижу, что тесен он, как нрав мой и мой надел

И дал половину я, она же – вздохнула лишь.

Спросил я: "О чем?" Она в ответ: "Об оставшемся",

А когда девушки вышли из воды, каждая надела свои одежды и украшения, а что касается старшей девушки, то она надела зеленую одежду и превзошла красотой красавиц всех стран, и сияла блеском своего лица ярче лун на восходах. И она превосходила ветви красотой изгибов и ошеломляла умы мыслью об упреках, и была она такова, как сказал поэт:

Вот девушка весело, живо прошла,

У щек ее солнце лучи занимает.

Явилась в зеленой рубашке она,

Подобная ветке зеленой в гранатах.

Спросил я: "Одежду как эту назвать?"

Она мне в ответ: "О прекрасный словами,

Любимым пронзали мы желчный пузырь,

И дул ветерок, пузыри им пронзая..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.